

Образы животных в предметной диалектной лексике русского языка

Названия животных (зоонимы) представляют интерес как опорные для образной номинации. Особое место в семантической структуре зоонимов занимает компонент, который О.В. Загоровская определяет как эмпирический, или образный¹. Этот компонент предположительно отражает наиболее древние психологические и мифологические представления о животных, однако именно он трудно фиксируется и конкретизируется в современном русском языке. Пути выявления его составляющих различны. Один из них – разработанная М.И. Черемисиной методика сопоставительного исследования зооморфизмов в зависимости от типов источников материала (словари, текст, опрос информантов). При обработке данных толковых словарей при этом необходимо критически относиться к толкованиям и метаязыковым пометам; при опросе информантов зачастую высвечиваются такие оттенки значения, которые не фиксируются ни словарями, ни текстовыми материалами; при анализе текстов следует учитывать разные стили речи².

Истоки образа часто лежат в мифе о животном. Поэтому особый интерес для исследователей представляет круг зоонимов, маркированных мифологически³. Вместе с тем логика образной номинации может опираться и на чисто бытовые, прагматические представления народа.

В работе предпринимается попытка выявить и структурировать образный компонент семантики зоонимов *бык (корова, телка), баран, козел (коза, козленок), конь (кобыла), кабан (свинья, вепрь, боров, поросенок)*, а также названий частей тела этих животных посредством анализа их вторичных предметных значений. Как известно, «вторичные переносные значения мотивированы разнообразными ассоциативными связями первичных значений. При этом первичное значение определяет ядро номинационного потенциала слова, а совокупность интенциональных и связанных с ними импликационных признаков первичного

¹ Загоровская О.В. Семантика диалектного слова. Сыктывкар, 1989. С. 7–8.

² См.: Черемисина М.И., Гутман Е.А., Литвин Ф.А. О методике сопоставительного исследования зооморфизмов // Актуальные проблемы лексикологии: Тез. докл. лингв. конф. Новосибирск, 1974. С. 89.

³ См.: Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983; Винокурова И.Ю. Домашние животные: Итоги реконструкции некоторых мифологических образов у вепсов // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Проблемы комплексного изучения: Междунар. симпозиум. Петрозаводск, 9–12 февраля 1997 г.: Тез. докл. Петрозаводск, 1997. С. 100–103; Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997; и др.

значения очерчивает общее поле этого потенциала посредством данного слова»⁴. Интерес именно к предметным⁵ значениям вызван прежде всего возможностью выявления характеристик зрительных представлений о животном, в то время как вторичные значения, характеризующие человека, обращены в большей степени к представлениям о поведенческих признаках животных.

Исследование основано на материалах диалектных словарей и лексической картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета. Отбирались все семантические дериваты перечисленных выше лексем с предметным значением. Принимались во внимание и вторичные значения деминутивов (типа *бычок, коровка, барашек* и т.п.).

В количественном отношении материал по вторичным значениям зоонимов представлен следующим образом:

Опорные лексемы	Количество семантических дериватов
Бык	20
Корова (телка)	3
Баран	28
Козел	23
Коза	10
Козленок	2
Конь	22
Кобыла	30
Кабан	7
Свинья	7
Боров	7
Поросенок	4

Обращает на себя внимание преобладание дериватов от названий самцов (ср. *бык, баран, козел, боров + кабан*) – очевидно, именно их образы в народном сознании более разработаны и более активны. Что касается *коны (кобылы)*, то образ самки незначительно, но все же преобладает.

Из названий частей тела животных были отобраны лишь те, которые с уверенностью можно отнести именно к животным: *грива, рыло, рог, копыто, хвост*. С некоторой долей условности в эту группу включена также лексема *ухо*, поскольку восстанавливаемое по семантическим

⁴ Никитин М.В. О семантике метафоры // Вопр. языкознания. 1979. № 1. С. 100.

⁵ Само понятие *предмет* в данном случае трактуется расширительно: под предметом понимается любой природный объект или любой артефакт.

дериватам образное значение ее говорит именно о видении этой части тела как части тела животных, а не человека.

Количественные данные выглядят следующим образом:

Опорные лексемы	Количество семантических дериватов
Грива	13
Рыло	6
Рог	26
Копыто	18
Хвост	14
Ухо	9

Отметим, что в этом случае количественные данные слишком обобщают материал, так как семантические дериваты могут реализовать образы разных рогов, хвостов, копыт, ушей и т.п. В этой связи показательно значительное число дериватов от *грива*, обозначающего чисто конский атрибут. Если суммировать все дериваты, связанные с образами коня и кобылы, то превосходство именно их становится очевидным.

Анализ предметной лексики, образованной от названий животных, позволяет выделить в исходных лексемах следующие семы, оказывающиеся ведущими в образном компоненте семантики:

Бык – *массивность, устойчивость* – ср.: ‘утес’, ‘курган’, ‘туча’, ‘высокий берег’, ‘опора моста’, ‘толстая жердь в рыболовной запруде, когда запруда сооружается треугольником’, ‘брус, бревно вверху постройки, на которые устанавливаются стропила’, ‘кирпичное основание печи’ и т.п.;

угловатость, горбатость – ср.: ‘угол рыболовного ворота’, ‘колени дымохода, расположенные на чердаке’, ‘толстый горбыль, набиваемый на наружную стенку судна для прочности и остойчивости на воде’ и т.п.;

округлость – ‘рыба с большой круглой головой’, ‘гриб с округлой, загнутой к корню шляпкой’, ‘ракушка витой формы’.

Материал показывает, что каждая из сем, хотя и может быть ведущей, как правило, выступает не одна, а в комплексе с другими перечисленными, ср.: *толстый горбыль, толстая жердь в запруде... треугольником* и т.п. Сочетание сем позволяет выявить зрительное представление о быке как о массивном, устойчивом, угловатом (горбатом) и в то же время не лишенном округлости предмете.

Сема *округлости* (но без *массивности* и *угловатости*) находит отражение в семантических дериватах от **корова**, ср.: 'дождевое облако', 'ракушка морская (витая) или речная (кругленькая)', 'белый гриб', 'выемка, круглый паз в бревне' и т.п.

Баран – *закругленность (волнистость)* – ср.: 'пенистый гребень волны', 'небольшое кучевое облако', 'маленькая ракушка', 'шишка', 'неровная кора на березе', 'загнутая часть полозьев у саней', 'кольцо', 'гайка', 'ворот' и т.п.; *раздвоенность, парность* – ср.: 'место впадения двух ручьев', 'гайка с двумя ушками', 'двурогие вилы', 'глиняный ручкомойник с двумя рыльцами', 'рубанок с двумя ручками'.

Козёл – *крестообразность, устойчивость* – ср.: 'козлы для пилки дров', 'два кола, воткнутые в землю и перевязанные крест-накрест', 'пара веников, вместе связанных', 'подпорки для стога', 'бревно с перекладиной в виде буквы Т' и т.п.

Конь, кобыла – *продолговатость, устойчивость* – ср.: 'гребень двускатной крыши', 'козлы', 'гимнастический снаряд' (ср. козёл – гимнастический снаряд, где отсутствует сема продолговатости), 'плот', 'лодка-долбленка', 'бревно, связывающее раму плота по длине', 'сани на одном полозе', 'высокий помост', 'полукруглое основание печи', 'потолочная балка', 'приспособление в виде длинного бревна на четырех ножках, на котором молотят снопы', 'часть станины ткацкого станка', 'род санок (скамейка на полозьях)', 'наклонная скамья, на которой выделывают овчины', 'настил из бревен, по которому спускают в вагонетку доски с платформы', 'деревянный брусочек, которым закрепляют лыжу на ноге', 'вертикальный столбик', 'часть приспособления для чесания шерсти' и т.п.

Кабан, боров, свинья – *округлость, массивность, устойчивость* – ср.: 'глыба, кусок чего-либо', 'большой стог сена', 'толстое бревно', 'угольная куча', 'горизонтальная часть дымохода, ведущая от печи к дымовой трубе', 'высокая гряда под овощи, парник', 'продолговатая копна сена или снопов', 'проход между грядками', 'сколоченная из досок форма для битой печи' и т.п.

Обнаруживается, что восприятие домашних животных в народном сознании весьма недифференцировано: по отношению к образам каждого из них устойчивыми и повторяемыми оказываются одни и те же семы: массивности (кроме образов козла и барана), устойчивости, округлости. Вместе с тем в некоторых дериватах выявляются и специфические образные представления: так, для дериватов от **козел** частотна сема крестообразности, для **баран** – сема закругленности, для **конь, кобыла** – продолговатости, для **бык** – горбатости, для **свинья** – округлости. Анализируя внешний вид называемых семантическими дерива-

тами от зоонимов предметов, можно отметить, что для номинируемых дериватами от **бык** предметов характерна трапециевидная форма, от **баран** – закругляющаяся (круг, спираль, завиток), от **козел** – крестовидная или остроугольная, от **свинья** (**кабан, боров**) – форма полуовала, для **конь, кобыла** – прямоугольника.

Семантическое своеобразие лексем-зоонимов во многом связано с таким древнейшим и универсальным типом восприятия действительности, как метонимия и ее частный случай – синекдоха. Названия животных и названия их частей тела находятся в отношении первичной синекдохи.

Среди отзоонимической диалектной предметной лексики встречаются два типа синекдохи. В первом случае одна и та же реалья называется и именем животного, и именем части тела, ему принадлежащей, поэтому номинации не противоречат друг другу. Например: **корова, ухо** – ‘паз’, ‘выемка в бревне’; **конь, копыто** – ‘чага’ и т.п. Назовем этот тип *реальной* синекдохой. Во втором случае реалья получает название по одному животному и по части тела другого животного. Например: **боров, рог** – ‘межа между грядами’, **коза, грива** – ‘сугроб’. Номинативные варианты при этом противоречат друг другу: у борова нет рогов, у козы – гривы. Поэтому этот тип может быть назван *ложной* синекдохой. Однако отмеченный ранее параллелизм номинаций, являющихся дериватами от названий различных животных, позволяет видеть здесь возможность и отражения такой дублетности. Другими словами, наличие номинации **рог** для межи между грядами позволяет предположить не зафиксированную или не сохранившуюся номинацию **козел** или **бык** для этой же реалии; наличие номинации **грива** ‘сугроб’ позволяет искать номинацию **конь** или **кобыла** и т.п.

Номинации по целому и части могут вступать и в системные отношения, ср.: **барашек** ‘шишка хвойного дерева’, **копытце** ‘пластинка кедровой чешуи, прикрывающая орех’. Здесь определенная образная установка порождает перекликающиеся между собой названия предмета и его части.

Отметим, однако, что в отзоонимической лексике такие названия не выстраиваются в единую образную картину, как, например, антропоморфные образные номинации. Это бросается в глаза при сопоставлении антропоморфных и зооморфных названий частей деревенского дома. Так, Т.Н. Чайко приводит систему номинаций частей дома частями человеческого тела, представляющую собой целостную картину человеческого лица: стропила крыши – **череп**, фронтон – **лоб**, стена – ли-

цо, окна – глаза, наличники – брови⁶. Если обратиться к отзоонимическим номинациям тех же (или смежных) реалий, то вместо целостной картины мы получаем своеобразный зоонимический разнобой. Ср.: кони ‘крыша’, быки ‘стропила’, свинья ‘фундамент’.

Таким образом, зооморфные образы в народном сознании обладают и тенденцией к разграничению, и в то же время некоторой аморфностью, позволяющей использовать образы домашних животных как единый образный эталон.

Н.М. Ивашова

Прямые заимствования из западноевропейских языков в говорах Русского Севера

Анализ диалектной лексики западноевропейского происхождения показал, что в говорах Русского Севера выделяется ряд лексем, которые можно отнести к прямым заимствованиям из языка-источника.

Выделение прямых заимствований – проблема сложная в силу ряда причин. В частности, спорным является отнесение некоторых фактов профессиональной речи к фактам литературного языка, несмотря на наличие их в словарях профессиональных терминов. При рассмотрении некоторых вероятных прямых заимствований из языка-источника следует предполагать одновременно два пути проникновения их в говоры: заимствование непосредственно из языка-источника и усвоение литературного варианта заимствованной лексики.

В ходе исследования учитывались следующие критерии отнесения слова к прямому заимствованию: отсутствие лексемы в словарях русского литературного языка; появление диалектной лексики в период существования непосредственных контактов с носителями соответствующих западноевропейских языков; употребление лексики в определенных сферах деятельности, имеющих отношение к контактам с иностранцами; близость диалектного слова к установленному или предполагаемому этимологическому источнику.

Степень вероятности проникновения той или иной лексики непосредственно из западноевропейских языков различна.

⁶ См.: *Чайко Т.Н.* Некоторые особенности метафоризации в апеллятивной и ономастической лексике (на материале названий частей тела): *Дипломная работа.* Свердловск, 1972. С. 103–110.